

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ТОБОЛО-ИРТЫШСКОЙ ПРОВИНЦИИ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЗЕЛЕНКОВ*

Ключевые слова: *Западная Сибирь, эпоха средневековья, потчевашская, кушнаренковская и бакальская археологические культуры*

Kulcsszavak: *Nyugat-Szibéria, középkor, potcsevasi, kusnarenkovói és bakalszkojei régészeti kultúrák*

Александр Сергеевич Зеленков

Историко-культурная модель эпохи средневековья Тоболо-Иртышской провинции¹

В статье рассматриваются проблемы историко-культурной модели Западной Сибири, в частности, лесостепного и подтаежного регионов рр. Тобол и Иртыш в эпоху средневековья. Отмечается спорадический и обрывочный характер процессов формирования знаний и накопления источников о потчевашской, бакальской и кушнаренковской археологических культурах, что привело к противоречивому представлению о составе комплексов, типологии и периодизации средневековья Тоболо-Иртышья. Автором предлагается ввести дополнительный археологический таксон – «круг культур», с целью создания более динамичной и гибкой структуры историко-культурной модели эпохи Средневековья.

Alekszandr Szergejevics Zelenkov

A Tobol–Irtis régió középkorának történeti és régészeti-kulturális modellje

A tanulmány Nyugat-Szibéria középkorának történeti és régészeti-kulturális modelljeit tekinti át, különösen a Tobol és Irtis folyók erdős sztyeppi és átmeneti tajgai övének régióiban. A potcsevasi, bakalszkojei és kusnarenkovói régészeti kultúrákról rendelkezésre álló ismeretek formálódásának és a források bővülésének szórványos és töredékes jellege miatt a Tobol–Irtis régió középkori leletgyűjtéseinek összetételével, tipológiájával és periodizációjával kapcsolatban egymásnak ellentmondó elképzelések fogalmazódtak meg. A szerző a 'kulturkör' szó használatának bevezetését javasolja kiegészítő régészeti klasszifikációs fogalomként, azzal a céllal, hogy egy dinamikusabb és rugalmasabb középkori történeti és régészeti-kulturális modellt lehessen felállítani.

Лесостепное и подтаежное Тоболо-Иртышье, находясь на пересечении западного и восточного миров, в перспективе обладает стержневым материалом, историко-культурный потенциал которого способен реконструировать самые спорные стороны культурогенеза в динамике исторических событий. Сегодня средневековая археология Зауралья представлена спорадическими исследованиями, разобщенными мнениями и идеями, осложняющими представление о

целостности историко-культурной модели региона (табл. 1).

Ее основы были заложены во второй половине XX века фундаментальными работами В. Н. Чернецова, В. А. Могильникова, В. Ф. Генинга по Нижнему Приобью, Прииртышью и Приишимью (рис. 1). В стремлении исследователей объяснить «тысячелетнюю историю» Западной Сибири знания о живой культуре сибирских народов переносились на археоло-

* Тюменский государственный университет, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6, qvimen@hotmail.com

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18–59–23002 «Истоки формирования культуры древних венгров. Археологический, палеоантропологический и палеогенетический аспект исследования средневековых памятников Южного Урала и Западной Сибири».

Табл. 1. Основные вопросы изучения средневековой археологии Зауралья
1. táblázat. Az Urál keleti oldalának középkori régészeti kutatásának alapvető kérdései

	Хронология	Этническая интерпретация	Археологическая интерпретация	Исследователи	Основные проблемы
бакальская	IV–XIII вв.	татары	культура	Сальников 1954; Овчинникова 1987	не обоснована верхняя хронологическая граница, не прослежена динамика изменения культуры в ретроспективе
юдинская	X–XIII вв.	манси	культура	Викторова 1968	не обоснована нижняя хронологическая граница
молчановская	VII–IX вв.	манси	этап, керамический тип	Чернецов 1957; Могильников 1986	не обоснованный статус
макушинская	IX–XIII вв.	манси	керамический тип, культура	Викторова 1961	необоснованный статус, хронология
потчевашская	VII–IX вв.	восточные ханты	"Культура; Зеленогорский этап"	Могильников 1986; Могильников–Коников 1981; Коников 2007; Генинг и др. 1970; Молодин и др. 1991	не обоснованы этапы
карымская	IV–VI вв.	северные ханты	этап нижнеобской культуры, культура, южный вариант нижнеобской культуры	Чернецов 1957; Федорова–Зыков 1994	не обоснован статус в Притоболье
кушнаренковская	VI–VIII вв.	протомадьяры	керамический тип, культура	Матвеева 2007; Боталов 2008, 2016	не обоснован статус в Зауралье

гический материал, создавая возможность реконструкции механизмов поведения древнего общества и развития его культуры. Исходя из этого, археологическая культура представлялась моделью древнего этноса. Эта актуальная для советской археологии концепция была перенесена в формуле – «эпоха средневековья Западной Сибири – конечный этап развития сибирских народов».² Однако, несмотря на полувековую историю полевых исследований и оформление историко-культурной модели под единым полем базовых понятий (этнической и эволюционной направленности), на современном этапе развития археология региона нуждается в совершенно ином взгляде, позволяющем решить проблемы

состава комплексов, формирующих представления о той или иной археологической культуре.

Объективно, существующая сегодня историко-культурная модель средневековья не учитывает все природные, этнические и экологические условия широчайшего по географическим рамкам региона Тоболо-Иртышья ввиду локального характера представлений и ощущений исследователя о развитии материальной культуры. Часто модели Нижнего Приобья переносились на материалы лесостепного и подтаежного Притоболья и Прииртышья без учета внутренних культурных процессов и последствий внешнего воздействия на формирование бакальской, потчевашской и кушнаренковской культур.

² Косарев 1991; Могильников 1987.

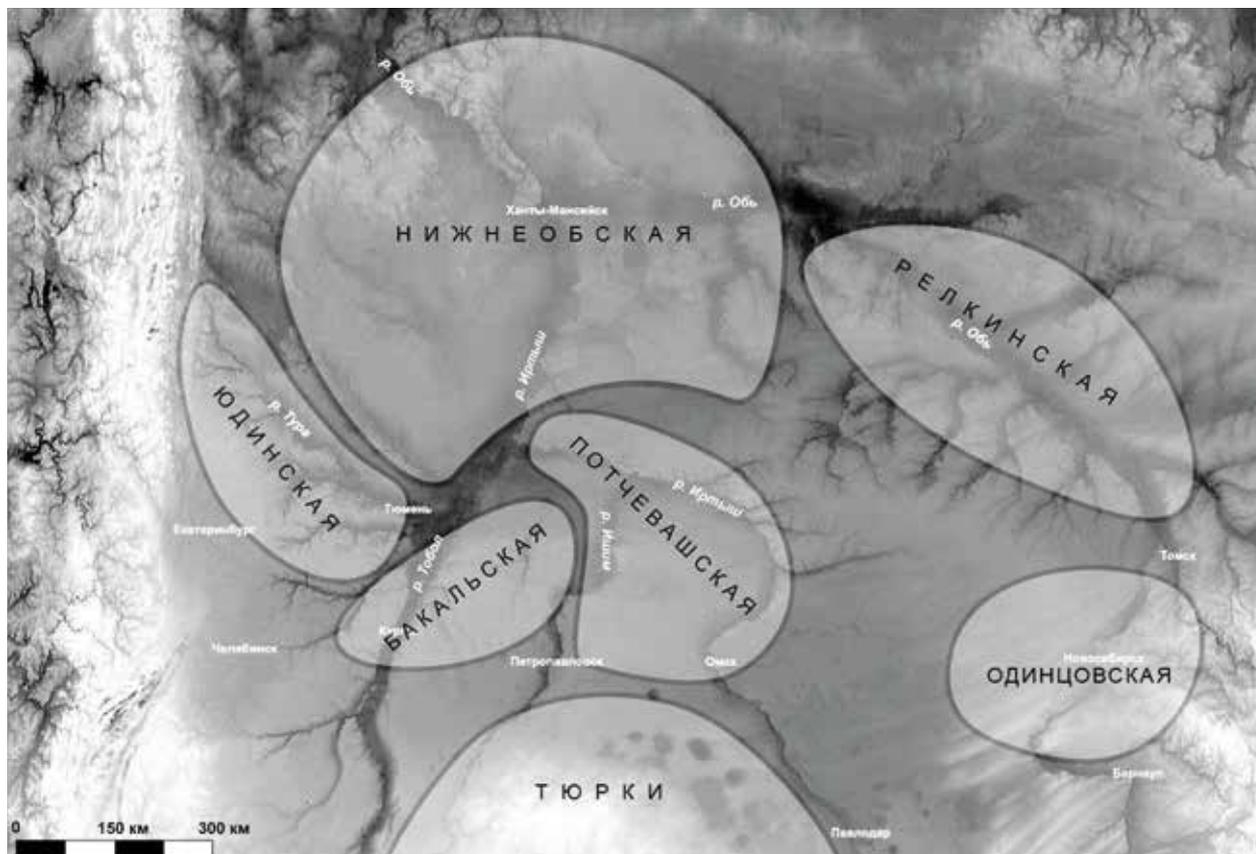


Рис. 1. Карта-схема средневековых археологических культур Зауралья к концу 1980-х гг.

1. kép. Az Urál keleti oldalának kora középkori régészeti kultúráinak elterjedési térképe az 1980-as évek végéig rendelkezésre álló ismeretek alapján

Ввиду того, что данные археологические культуры были выделены и описаны исходя из разного взгляда исследователей на процессы культурогенеза в Западной Сибири, их довольно сложно рассматривать в едином ключе, следуя только хронологической последовательности, как это принято для историографических жанров. Поэтому мы условно разделили их на дискретные и аналоговые модели культурогенеза, которые характеризуют археологические культуры а) в поэтапном развитии и б) в плавном развитии соответственно.

Потчевашская культура в виде дискретной модели культурогенеза раннего средневековья впервые описана коллективом уральских археологов во главе с В. Ф. Генингом. В 1960-х

разведками и раскопками в южнотаежном Пришимье и Прииртышье исследован круг памятников с потчевашским слоем. Городища Большой Лог,³ Горносталевское,⁴ Логиновское⁵ составили основу выделения сперановского и горносталевского этапов потчевашской культуры (V–VIII вв. н.э.).

Сперановский этап (III–VI вв. н.э.) выделен на базе многочисленных исследований городища Большой Лог,⁶ верифицированных В. Ф. Генингом. В среднем слое данного поселения была найдена керамика с общими орнаментальными характеристиками (гребенчатый, прочерченный и фигурный, ямочный орнаменты), которую В.Ф. Генинг разделил на два типа по форме: I – с высокой шейкой и шаровидным туловом;

³ Генинг–Голдина 1967.

⁴ Генинг и др. 1970.

⁵ Генинг–Евдокимов 1969.

⁶ Чернецов–Мошинская 1951; Генинг–Голдина 1967.

II – чашевидные сосуды со слабопрофилированной шейкой.⁷

Горносталевский этап (VI–VIII вв. н.э.), сформированный на основе исследований Логиновского городища⁸ и Лихачевского могильника,⁹ заполнил недостающие звенья потчевашской культуры, в частности, типологии посуды и вещевого комплекса. По сравнению с выделенной В. И. Мошинской¹⁰ культурой, авторы существенно скорректировали ее хронологию.¹¹ Классификация по особенностям форм керамики с перечисленных комплексов существенно не отличалась от среднего слоя городища Большой Лог, за исключением III класса массивной чашевидной и слабопрофилированной посуды с простыми ямочными вдавлениями и нарезками.

Видимо, В. Ф. Генинг и его соавторы, не обнаружив существенного различия в керамике сперановского и горносталевского этапов, пришли к спорному выводу, что маркером сперановского времени может считаться большая площадь поселений и жилищ.¹² Сегодня сложно оценивать данную гипотезу в связи с неполной публикацией поселения Большой Лог. Поэтому считаем, что интерпретация площадок и жилищ нуждается в уточнении, так как они могли быть оставлены более ранним населением, учитывая широкий хронологический период обитания, начиная с эпохи бронзы. Также неточно дана интерпретация окружающих основные жилища Логиновского городища округлых ямок от опор столбовых конструкций, которые, вероятно, связаны с бакальской группой керамики (группа III по В. Ф. Генингу).

Попытались применить дискретную модель уральских археологов В. И. Молодин и его ученики к материалам Барабинской лесостепи с городищ Бурундуково-4, Преображенка-1, Туруновка-1. Данные сооружения датированы VIII–IX вв. по

железному наконечнику стрелы Преображенки-1 IX–X вв.¹³ и по аналогиям керамике из известных памятников потчевашской культуры, а также отдельным сосудам из погребений тюркских могильников Преображенка-3 и Сопка-2. Ими выделены три типа сосудов по форме «горловины»: I – сосуды с высокой прямой шейкой, резко переходящей в раздутое тулово; II – сосуды с вогнутой шейкой, плавно переходящей в тулово; III – чашевидные сосуды с загнутым внутрь и плавным переходом от горловины к тулову. Для характеристики особенностей типов представлена попытка определения закономерностей в использовании населением данных городищ техник орнаментации и способов оформления венчиков. Использована описательная статистика и на основе долей от общей выборки для гребенчатой, прорезанной, фигурной, ямочно-жемчужной и резной техник, прямой, скошенной во внешнюю сторону, округлой, скошенной внутрь и заостренной форм венчика.¹⁴

Выбранные признаки классификации керамики потчевашской культуры в вышеперечисленных исследованиях не могут считаться удачными, так как интуитивно выделенные чаши и горшки характеризуют сорт и функциональное назначение посуды. Использование описательной статистики на базе процентного соотношения неравнозначных выборок без учета сочетаний композиций орнамента и форм, стратиграфического и планиграфического анализов, привело к грубым заключениям и расплывчатой классификации «сперановской» и «горносталевской» посуды. Из опубликованного В. А. Могильниковым материала из раскопок Сперановского городища керамика ближе к последним этапам кулайской культуры. Л. А. Чиндина также считает, что среднеиртышская культура¹⁵ своими материалами ближе к саровским комплексам.

⁷ Генинг и др. 1970, 217–218.

⁸ Генинг–Евдокимов 1969.

⁹ Генинг–Зданович 1986, 119–133.

¹⁰ Мошинская 1953.

¹¹ Чагаева 1970, 229–237.

¹² Генинг и др. 1970, 222.

¹³ Елагин–Молодин 1991, 123.

¹⁴ Елагин–Молодин 1991, 119–122.

¹⁵ Чиндина 1984, 118.

Иной взгляд на место потчевашских комплексов в системе средневековых древностей Западной Сибири дан в работах специалистов по нижнеобским древностям. Разработанная В. Н. Чернецовым¹⁶ дискретная модель материальной культуры Нижнего Приобья была дополнена екатеринбургскими учеными систематическими исследованиями археологических микрорайонов Барсова гора и Сайгатино¹⁷ и апробирована на материалах южнотаежного и лесостепного Тоболо-Иртышья.

В данной модели культурного развития В. Н. Федоровой и соавторами прослежена эволюция керамики на основании стратиграфии и планиграфии многослойных поселений археологического микрорайона Барсова гора. Однако классификация посуды для каждого отдельного этапа сконструирована исходя из разных признаков. Так для карымской посуды¹⁸ основным признаком является фигурно-штамповая, желобчатая, гребенчатая техники орнаментации. Для кучиминского этапа¹⁹ керамика сгруппирована по хронологическому принципу, где отдельные виды можно отнести сразу к карымскому и зеленогорскому этапам.

Прилагаемые в качестве дополнительной аргументации хронологии археологических этапов сургутского Приобья вещи из погребальных комплексов Приишимья, Притоболья и Прииртышья вырваны из рассматриваемого таежного контекста. Поэтому довольно спорно звучит предложение о включении комплексов потчевашской культуры в один из этапов культуры Нижнего Приобья. Хотя ее памятники располагаются на южной окраине масштабной нижнеобской культуры, окруженные не менее значимыми синкретичными молчановскими и протокушнаренковскими типами материалов. Вероятно, это объясняется статичным культур-

ным пластом таежной полосы Нижнего Приобья, экстремальная природно-климатическая ситуация которой ограничивала поведение и развитие культуры.²⁰ Однако, лесостепь и южно-таежная полосы Тоболо-Иртышья, мягкие по своему климату и близлежащие к евразийской степи, являлись площадкой более динамичных процессов культурогенеза в каждой археологической эпохе. Поэтому зафиксированные многочисленные факты одновременного залегания разных наборов бакальской, карымской (южно-таежные памятники), кушнаренковско-караякуповской, молчановской, потчевашской керамики в рамках как отдельных погребений, так и поселенческих комплексов, позволяют усомниться в возможности перенесения дискретной модели Нижнего Приобья на южнотаежные и лесостепные территории.

Стоит признать, что наиболее актуальная на сегодня аналоговая модель потчевашской культуры, охарактеризованная в обобщающих трудах В. А. Могильникова и Б. А. Коникова. В целом, описания основаны на хорошо опубликованных материалах Логиновского городища, Лихачевского и Окуневского могильников. Обширность картины и конструкция ареала культуры достигнута всесторонним описанием имеющихся комплексов и конкретными предложениями по интерпретации модели. Однако и она не без недостатков.

В. А. Могильников по итогам обширнейших археологических работ, представленных в основном, археологическими разведками и раскопками (Сперановское,²¹ Новоникольское городища,²² Окунево-III²³ могильник и др.) суммировал накопленные знания и материалы в обобщенном труде, который до сих пор является фундаментом средневековой археологии Западной Сибири.²⁴ В его работе потчевашская

¹⁶ Чернецов 1958.

¹⁷ Федорова и др. 1991.

¹⁸ Зыков 2012, 54–61.

¹⁹ Зыков 2012, 81–84.

²⁰ Косарев 1991, 15, 27–28.

²¹ Могильников 1967, 151–152.

²² Могильников 1964, 242–247.

²³ Могильников–Конилов 1983, 162–182.

²⁴ Могильников 1987, 184–185.

культура представлена в виде монолитного образования с особым путем развития, что было достигнуто эмоционально-описательным путем группировки материала. Так, например, погребальный обряд разделен на разряды: ингумация и кремация, имеющие варианты в виде грунтовых и подкурганых захоронений.²⁵ Керамика разбита на четыре группы по профилировке разреза, тогда как орнаментация описана в общем, заостряя внимание на специфическом желобчатом орнаменте. Хотя в приведенных иллюстрациях посуды видим присутствие иных групп: бакальской, нижеобской. При историко-культурной интерпретации В. А. Могильниковым отмечается двухкомпонентность потчевашской культуры на основе саргатской (северо-западная ориентировка, ингумация, курганный обряд, вытянутые верхние части сосудов) и среднеиртышской культур (трупосожжение).²⁶ Этническая атрибуция определена как угро-самодийская.²⁷

Б. А. Конилов позднее дополнил представления о потчевашской культуре. При обсуждении погребального обряда он соглашается с классификацией В. А. Могильникова,²⁸ хотя не рассматривает синхронные материалы Лихачевского, Перейминского и Усть-Тары-7²⁹ некрополей, содержащих близкую по формам и орнаментации посуду. Им построена классификация артефактов, включая керамику потчевашской культуры. Она делится на категории, отделы, классы и типы.³⁰ Главный критерий группировки потчевашской керамики – морфология. Так выделены два типа посуды: горшки и чаши; три варианта горшков: с высокой, средней и низкой шейкой. Особое внимание акцентируется на объединяю-

щей все типы и варианты посуды орнаментации желобчатым, гребенчатым и ямочно-жемчужной узорами.³¹ В целом, автор соглашается с мнением А. П. Зыкова, что потчевашская керамика близка зеленогорской и кучиминской, но ведет ее происхождение от кулайской культуры.³² Этническая интерпретация дана как южнохантыйская.³³

В данной модели потчевашской культуры остались не верифицированы причины и разнообразие типов погребальной обрядности. В том числе, не разработаны критерии выделения потчевашской керамической традиции с попыткой синхронизации и сравнения с культурами и памятниками соседних территорий Томско-Нарымского и Верхнего Приобья, Притоболья.

Не менее дискуссионной выглядит бакальская культура (IV–XIII вв.). Самая главная проблема, по нашему мнению, состоит в укорененном в историографии стереотипе о тысячелетнем существовании данной культуры у населения Тоболо-Ишимья и положении, что на ее основе сформировался татарский этнос в XIII–XIV вв. н.э.³⁴ Однако сегодня имеется небольшое количество датированных памятников с бакальской керамикой, но они все укладываются в период IV–VII вв. н.э., чему не противоречат радиоуглеродные датировки³⁵ и редкие находки деталей поясной гарнитуры с поселенческих комплексов, в частности, Усть-Терсюкского городища,³⁶ и таких некрополей, как Козловский и Устюг-1.³⁷

Решающим аргументом, на который опирается данная идея, является консервативность бакальской гончарной традиции.³⁸ Т. Н. Рафикова, используя статистические программы, не

²⁵ Могильников 1987, 186.

²⁶ Могильников 1987, 192–193.

²⁷ Конилов 2007, 193.

²⁸ Конилов 2007, 89.

²⁹ Скандаков–Данченко 1999.

³⁰ Конилов 2007, 91.

³¹ Конилов 2007, 92.

³² Конилов 2007, 93.

³³ Конилов 2007, 252.

³⁴ Могильников 1990; Маслоуженко–Рябинина 2007, 169–173; Маслоуженко 2008, 61–73; Рафикова 2010, 95–99.

³⁵ Матвеева и др. 2008, 174–175; Боталов и др. 2013, 14–38.

³⁶ Рафикова 2010а, 154.

³⁷ Матвеева 2016, 177–192.

³⁸ Рафикова 2010а, 159.

нашла существенных различий внутри исследуемых выборок с Коловского, Красногорского, Усть-Терсюкского, Царева городищ. Во-первых, рассматривались не отдельные сосуды, а группы, охарактеризованные суммами признаков, что уже на первом этапе искусственно объединяет рассматриваемую посуду и дает завышенные коэффициенты сходства. Во-вторых, использованный кластерный анализ считается довольно слабым методом ввиду разнообразия настроек матриц расстояния и сходства при анализе имеющейся выборки. Поэтому необходимо использовать иные инструменты, например, дискриминантный анализ, для проверки полученной классификации. В-третьих, как и все лесостепные и степные гончарные традиции IV–VII вв. н.э. (харинская, турбаслинская и позднегляденовская), бакальская керамика обладает довольно скудным орнаментом и простой композицией, поэтому необходимо рассматривать более детально морфологию.

В середине 50-х годов XX века появились первые находки посуды нехарактерной ни для одной другой известной в ту пору культуры средневековья Приуралья. Специфичность морфологии и орнаментации керамических комплексов кушнаренковской и караякуповской культур привела к широчайшей дискуссии о происхождении данных комплексов. Их первооткрыватели В. Ф. Генинг³⁹ и Г. И. Матвеева⁴⁰ предложили искать корни данным комплексам в лесостепи и таежной полосе Западной Сибири. Сегодня обломки сосудов, напоминающие «классические» приуральские экземпляры, часто находят совместно с бакальскими, нижеобскими и саргатскими черепками в многослойных поселенческих памятниках и отдельных погребениях. По первой версии истоки кушнаренковской и караякуповской культур следует искать в материалах Нижнего Приобья и Прииртышья конца раннего

железного века и средневековья. Несмотря на ограниченное количество потчевашских и карымских погребений, они неоднократно использовались в общей западносибирской выборке,⁴¹ показывая высокое типологическое сходство с кушнаренковскими и караякуповскими.⁴² По второй версии, именно бакальская культура была субстратом⁴³ кушнаренковско-караякуповских памятников. По третьей версии кушнаренковские материалы имеют синкретичную основу из целого круга археологических культур: кашинская, бакальская, карымская.⁴⁴ Обращаем внимание на широту территории и разнообразие в качестве и количестве источников, которые приводятся в качестве аналогий. Пока же, керамика, которая приводится многими учеными как «кушнаренковская»,⁴⁵ разительно отличается от приуральских экземпляров. Она обладает менее выраженным и запоминающимся орнаментом, цвет поверхности черепка контрастирует с тем, что можно увидеть, например, на городище Уфа-2.⁴⁶ Поэтому до момента, пока не будут обнаружены закрытые комплексы кушнаренковской и караякуповской культуры на территории Зауралья, говорить о единстве мнений об их происхождении не приходится, либо необходимо встроить материалы из поселенческих слоев, как более низкие уровни классификации внутри наиболее близкой ей археологической культуры. В данном случае мы согласны с мнением В. Ф. Генинга о связи кушнаренковской с потчевашской культурой Прииртышья и Приишимья.

Как кажется, сегодня исследователями недооценивается роль трассовых секвенций из постсарматского и гуннского, тюркского и кимако-кыпчакского миров. Вероятно, именно политическая и военная силы кочевых объединений были решающим фактором в формировании облика материальной культуры бакальского, кушнаренковского и потчевашского типов Западной

³⁹ ГЕНИНГ 1977, 90–136.

⁴⁰ МАТВЕЕВА 1968; МАТВЕЕВА 2007.

⁴¹ ИВАНОВ 1999, 66–68.

⁴² ИВАНОВ 2015, 201–219.

⁴³ БОТАЛОВ 2016, 468.

⁴⁴ МАТВЕЕВА 2007а.

⁴⁵ БОТАЛОВ и др. 2013, 14–38.

⁴⁶ МАЖИТОВ и др. 2011, 53–55.

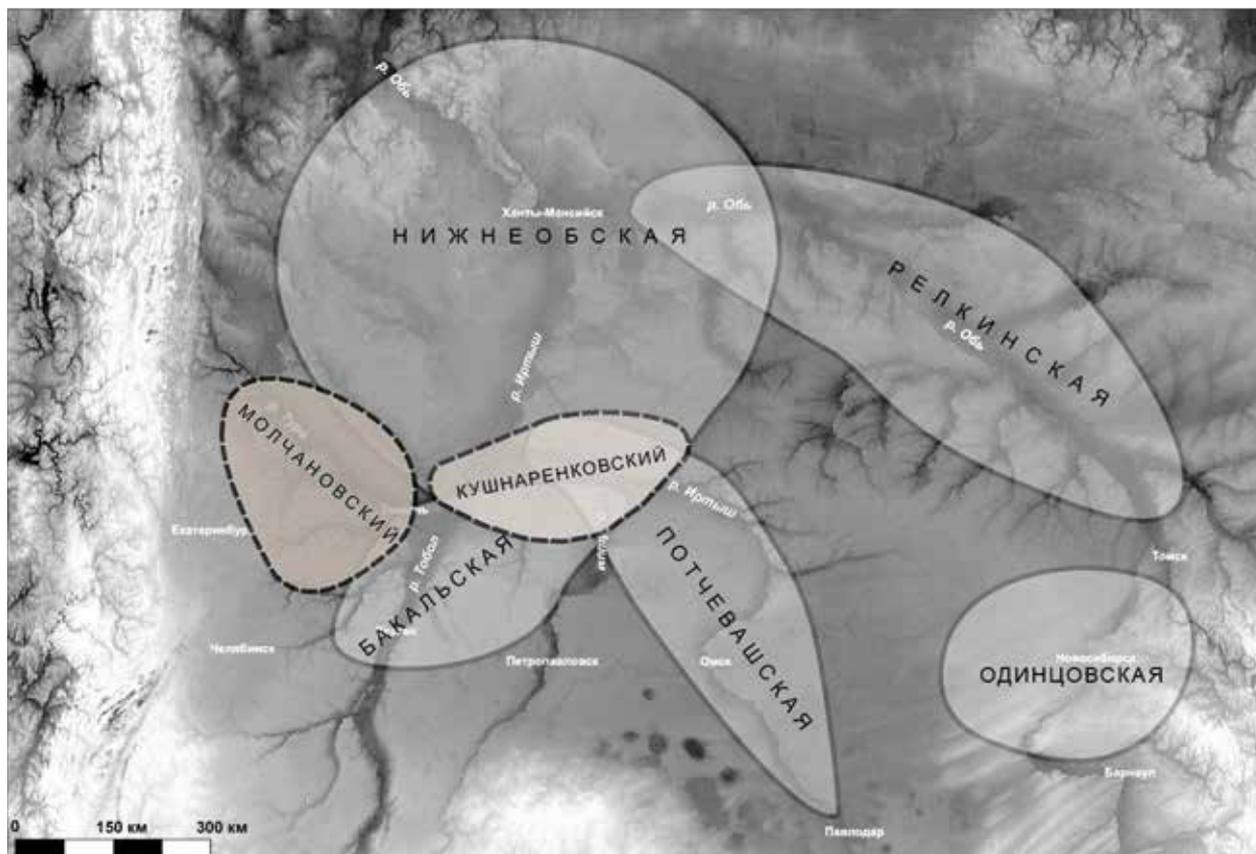


Рис. 2. Карта-схема средневековых (IV–VII вв. н.э.) археологических культур Зауралья в настоящее время
 2. kép. Az Urál keleti oldalának kora középkori (Kr. u. 4–7. század) régészeti kultúráinak elterjedési térképe napjainkban

Сибири, как было замечено В. А. Могильниковым.⁴⁷ Их гетерогенный характер по ряду территориальных, хронологических и культурных признаков дает возможность рассматривать комплексы средневекового Тоболо-Иртышья в рамках культурных объединений⁴⁸ или кругов⁴⁹ (рис. 2; 3), связанных общими процессами трассовых и локальных секвенций.

Суммируя вышесказанное, мы приходим к следующим выводам. Причинами противоречий, существующих сегодня в историко-культурной модели Зауралья, являются: спорадическое изучение средневековых памятников, разные предпочтения исследователей к выбору историографической традиции, ошибки и методические просчеты в классификациях. Главным фактором к смене взгляда на специфичность средневеко-

вых материалов должно стать обнаружение и исследование гетерогенных памятников, которые стерли, казалось бы, четкие границы археологических культур. Переход на новый уровень исследований также кроется в выработке единого метода описания источников, или набора методов, которые могли бы быть проверяемы. В современных условиях средневековая археология Зауралья должна решить проблему детализации историко-культурной модели за счет включения дополнительных элементов археологической типологии, которые позволят более тонко определять место того или иного артефакта в сложной и динамичной исторической картине прошлого. Это в дальнейшем позволит верифицировать средневековые горизонты в многослойных комплексах, создать объединяющую хронологиче-

⁴⁷ Могильников 1990.

⁴⁸ Clark 2015, 490.

⁴⁹ Клейн 1991, 394.

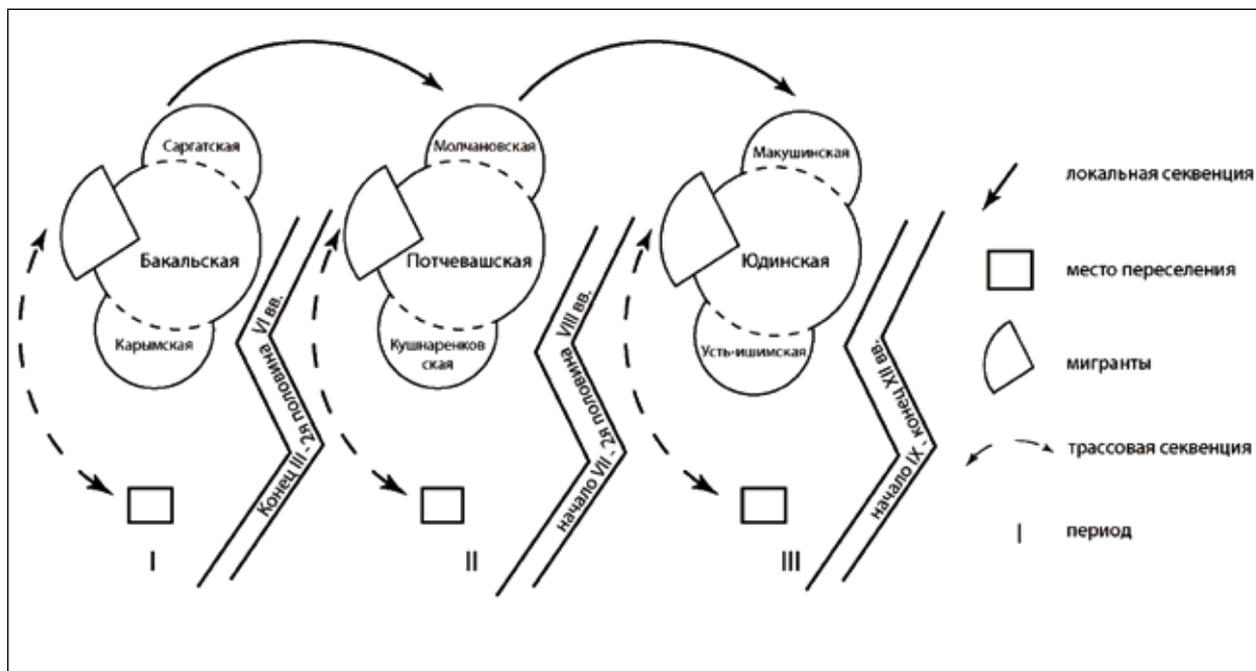


Рис. 3. Археологическая модель средневекового Зауралья
 3. kép. Az Urálon túl középkori régészeti kultúráinak modellje

скую шкалу для Тоболо-Иртышской провинции и синхронизировать ее с соседними регионами. Решение данных проблем невозможно без анализа методологических и методических оснований археологов прошлого поколения и осознания современного теоретического фундамента, или

исследовательской стратегии. Представляется, именно она играет важнейшую роль в мышлении археолога – объединяет разного уровня археологические категории в сеть исторически обусловленной вещевой реальности.

ЛИТЕРАТУРА

- Боталов и др. 2013: Боталов, С. Г. – Гущина, Е. В. – Кайдалов, А. И. – Сечко, Е. А.: К итогам исследования бакальского историко-культурного горизонта. В: *II-й Международный мадьярский симпозиум: сб. науч. тр.* Отв. ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 14–38.
- Боталов 2016: Боталов, С. Г.: Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья. В: *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза)*. Ред.: Боталов, С. Г. – Таиров, А. Д. – Берсенева, Н. А. – Иванова, Н. О. Челябинск 2016, 468–542.
- Генинг 1977: Генинг, В. Ф.: Памятники у села Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.). В: *Исследования по археологии Южного Урала*. Ред.: Кузеев, Р. Г. Уфа 1977, 90–136.
- Генинг–Голдина 1967: Генинг, В. Ф. – Голдина, Р. Д.: Поселение Большой Лог у г. Омска. В: *V Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов и сообщений*. Ред.: Безносиков, Я. Н. – Буров, Г. М. – Канивец, В. И. Сыктывкар 1967, 145–148.
- Генинг–Евдокимов 1969: Генинг, В. Ф. – Евдокимов, В. В.: Логиновское городище. В: *Вопросы археологии Урала* 8. Ред.: Генинг, В. Ф. Свердловск 1969, 102–127.
- Генинг–Зданович 1986: Генинг, В. Ф. – Зданович, С. Я.: Лихачевский могильник на р. Ишим – Памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н.э. В: *Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья*. Ред.: Зданович, Г. Б. Челябинск 1986, 119–133.
- Генинг и др. 1970: Генинг, В. Ф. – Корякова, Л. Н. – Овчинникова, Б. Б. – Фёдорова, Н. В.: Памятники железного века в Омском Прииртышье. В: *Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири*. Отв. ред.: Матюшенко, В. И. Томск 1970, 203–228.
- Елагин–Молодин 1991: Елагин, В. С. – Молодин, В. И.: *Бараба в начале I тысячелетия н.э.* Новосибирск 1991.
- Зыков 2012: Зыков, А. П.: *Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время*. Екатеринбург 2012.
- Иванов 1999: Иванов, В. А.: *Древние угро-мадьяры в Восточной Европе*. Уфа 1999.
- Иванов 2015: Иванов, В. А.: Угры Предуралья: продолжение темы. *Поволжская археология* 2015:4, 201–219. <https://doi.org/10.24852/pa2015.4.14.201.219>
- Клейн 1991: Клейн, Л. С.: *Археологическая типология*. Ленинград 1991.
- Коников 2007: Коников, Б. А.: *Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье*. Омск 2007.
- Косарев 1991: Косарев, М. Ф.: *Древняя история Западной Сибири*. Москва 1991.
- Мажитов и др. 2011: Мажитов, Н. А. – Сунгатов, Ф. А. – Султанова, А. Н. – Махаметдинов, В. И. – Сунгатов, А. Ф.: *Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2009 года*. Уфа, 2011.
- Маслюженко 2008: Маслюженко, Д. Н.: Бакальская культура и миграционные процессы в лесостепном Притоболе в период раннего Средневековья. В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2008, 61–73.
- Маслюженко–Рябинина 2007: Маслюженко, Д. Н. – Рябинина, Е. А.: К проблеме тюркизации населения бакальской культуры в историческом контексте. В: *Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной)*. Ред.: Вохминцев, М. П. Курган 2007, 169–173.
- Матвеева 1968: Матвеева, Г. И.: Памятники I тыс. н.э. левобережья р. Белой. В: *Археология и Этнография Башкирии*. Т. III. Ред.: Мажитов, Н. А. Уфа 1968, 113–125.
- Матвеева 2007: Матвеева, Г. И.: О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и кара-якуповского типов. В: *Средневековая археология Евразийских степей*. Т. II. Отв. ред.: Хузин, Ф. Ш. – Ситдинов, А. Г. Казань 2007, 75–86.

- МАТВЕЕВА 2007а: Матвеева, Н. П.: Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье. В: *Ab Origine. Проблемы генезиса культур Сибири*. Тюмень 2007, 63–75.
- МАТВЕЕВА 2016: Матвеева, Н. П.: *Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников)*. Тюмень 2016.
- МАТВЕЕВА и др. 2008: Матвеева, Н. П. – Берлина, С. В. – Рафикова, Т. Н.: *Коловское городище*. Новосибирск 2008.
- МОГИЛЬНИКОВ 1964: Могильников, В. А.: Новоникольское IV городище. *Советская археология* 1964:1, 242–247.
- МОГИЛЬНИКОВ 1967: Могильников, В. А.: Исследования в лесостепном Прииртышье. *Археологические открытия* 1966 года. Москва 1967, 151–152.
- МОГИЛЬНИКОВ 1987: Могильников, В. А.: Лесостепное Зауралье (бакальская культура). В: *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Отв. ред.: Седов, В. В. Археология СССР Москва 1987, 179–183.
- МОГИЛЬНИКОВ 1990: Могильников, В. А.: *Этнокультурная история Западной Сибири в Средние века. Автореферат диссертации*. Москва 1990.
- МОГИЛЬНИКОВ–КОНИКОВ 1983: Могильников, В. А. – Конилов, Б. А.: Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье. *Советская археология* 1983:2, 162–182.
- МОШИНСКАЯ 1953: Мошинская, В. И.: Городище и курганы Потчеваш (к вопросу о потчевашской культуре). В: Чернецов, В. Н. – Мошинская, В. И. – Талицкая, И. А.: *Древняя история Нижнего Приобья*. Материалы и исследования по археологии СССР 35 (1953) 189–220.
- РАФИКОВА 2010: Рафикова, Т. Н.: К вопросу об этногенезе сибирских татар (по материалам Царева городища). В: *Сулеймановские чтения (тринадцатые): Тюркское средневековье Западной Сибири в современных исследованиях: материалы и докл. Всерос. науч.-практ. конф.* Отв. ред.: Лабунец, Н. В. Тюмень 2010, 95–99.
- РАФИКОВА 2010а: Рафикова, Т. Н.: *Бакальская культура лесостепного и подтаежного тоболо-ишимья: дисс. канд. ист. наук*. Тюмень 2010.
- СКАНДАКОВ–ДАНЧЕНКО 1999: Скандаков, И. Е. – Данченко, Е. М.: Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье. В: *Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность»: Ежегодн.* Отв. ред.: Рыженко, В. Г. Омск 3 (1999) 160–186.
- ФЕДОРОВА и др. 1991: Фёдорова, Н. В. – Зыков, А. П. – Морозов, В. М. – Терехова, Л. М.: Сургутское Приобье в эпоху средневековья. В: *Вопросы археологии Урала* 20. Отв. ред.: Ковалева, В. Т. Екатеринбург 1991, 126–145.
- ЧАГАЕВА 1970: Чагаева, А. С.: О хронологии Чувашского мыса. В: *Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири*. Отв. ред.: Матющенко, В. И. Томск 1970, 229–237.
- ЧЕРНЕЦОВ 1958: Чернецов, В. Н.: Нижнее Приобье в I тыс. н.э. В: Смирнов, А. П. – Мошинская, В. И. – Чернецов, В. Н. – Золотарёва, И. М.: *Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР* 58 (1958) 136–245.
- ЧЕРНЕЦОВ–МОШИНСКАЯ 1951: Чернецов, В. Н. – Мошинская, В. И.: Городище Большой Лог. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 37 (1951) 78–87.
- ЧИНДИНА 1984: Чиндина, Л. А.: *Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа*. Томск 1984.
- CLARK 2015: Clark, D.: *Analytical archaeology*. London 2015.